

ИЮНЬ

4 июня 1916 г. Петроград

Ученическая выставка

Самой интересной выставкой минувшего сезона, несомненно, была ученическая выставка О-ва поощрения художеств, пожалуй, ни одна выставка не может похвастаться таким вниманием, какое встретила эта выставка.

<...> Минувший год школа не замерла на достигнутом. Широкий принцип соединения так называемого чистого и прикладного искусства, чисто живописных задач с практическими, судя по выставке, проводился в минувшем году с той же неослабеваемой энергией, что и раньше, дав новые, в высшей степени интересные достижения. Н.К. Рерих, под руководством которого обновилась школа и возродилась к новой жизни, ещё раз убеждает, что он не только талантливый художник, но и выдающийся педагог, умеющий ставить верные цели и, что ещё важнее, добиваться осуществления их. Это редкое сочетание прекрасного художника с педагогом, пожалуй, только и может дать те результаты, какие мы видим. В педагогии ведь тоже нужны вдохновение и талант. ...

4 июня 1916 г. Лыкошино. Имение Сменцова.

Письмо Н.К. Рериха к И.Э. Грабарю

ШКОЛА ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ
Петроград, Мойка, 83.

Москва. Овчинников пер. Дом Мещериной

Его Высокородию

Игорю Эммануиловичу Грабарю.

Дата на штемпеле: Москва. 4. 06. 1916.

Ст. Лыкошино, Ник. ж.д. Имение Сменцова.

Дорогой Игорь, спасибо за весточку. Содержание Твоего письма сообщу Иванову. У Александрова имеются снимки с моих новых вещей (прошлого года). Хорошо бы «Волокут волоком» сделать в красках.

Если решишь, то я сообщу в город, что нельзя будет дать вещей, которые я заканчиваю в деревне. Привезу их только в Сентябре. Кроме того, у Левинсона в Москве были снимки с Талашкина, которыми пользовался Аполлон, (очень плохие). Думаю что, не лучше ли дать книгу несколько позднее, включив последние вещи, которых не будет в Унионе. Впрочем, Тебе виднее.

Очень рад, что дела Третьяковки кончились в лучшую сторону, в чём, впрочем, и не сомневался, зная, что всё это инсценировано личными отношениями. Да, нам приходится много выносить. Хорошо тем, кто ничего не делает. Привет Твоей супруге.

Твой

Н.Рерих

4 Июня 1916.

Не знаю, что именно уничтожено из старых клише? из снимков?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 106/10132, 2 л.

**8 июня 1916 г. Дугино.
Письмо И.Э Грабаря к Рериху Н.К.**

Дугино. 8 июня 1916. Б. Овчинников 26.

Дорогой Коля,

Видишь ли в чём дело: с чёрными клише мы кое-как справились, т.к., хотя негативы погибли все до последнего, но у меня в деревне сохранились отпечатки и поэтому дело поправимо (клише тоже все погибли). Но вот с цветными дело обстоит плохо, ибо их просто нет и сейчас необходимо сочинить список хотя бы 6-10 вещей, которые мы могли бы заказать немедленно клишировать в красках. Для этого надо конечно, чтобы их можно было легко достать. Пока я мог придумать только пару:

1) «Бой» в Третьяковской. 2) «Звёздные Руны» у <Лангового.>. К ним мне бы хотелось ещё присоединить и 3) «Сахару» Трояновского. Затем, есть ли у Тебя чего-нибудь в квартире нужного и важного? Кроме того, не снять ли 4) «Крик змея» в Академии и, так как из первого периода ничего нет, не снять ли 5) «Славянский городок», 6) «Красные паруса» и 7) «Город строят»?

А то всё у нас только последние вещи. Это и однообразно и по существу нехорошо, т.е. неправильно. Я же смотрел в последнее время эти вещи и нахожу, что «Славянский городок» даст очень желательное и недурное пятно. В таком случае №8 могли бы быть «Зловещие», а два давай ещё их поверх. Обсуди их с Твоим начальством Еленой Ивановной и сообщи мне. Я и моё начальство Валентина Михайловна шлём Вам обоим привет.

Твой

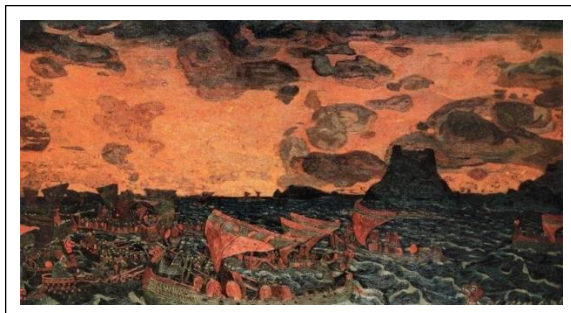
Игорь Грабарь.

Далее написано карандашом рукой Рериха:

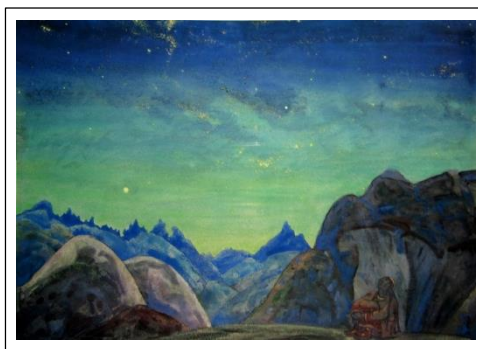
1. Бой.	7. Волокит волоком. X
2. Звёзд[ные] Руны.	8. Пантелей Целитель. X
3. Крик змея.	9. Половецкий стан (клише у
4. Гонец.	...).
5. Красные паруса.	10. Комната Короля. (Груш.)
6. Город строят.	

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/747, 1 л.

«1) «Бой» в Третьяковской. 2) «Звёздные Руны» у <Лангового.>»:

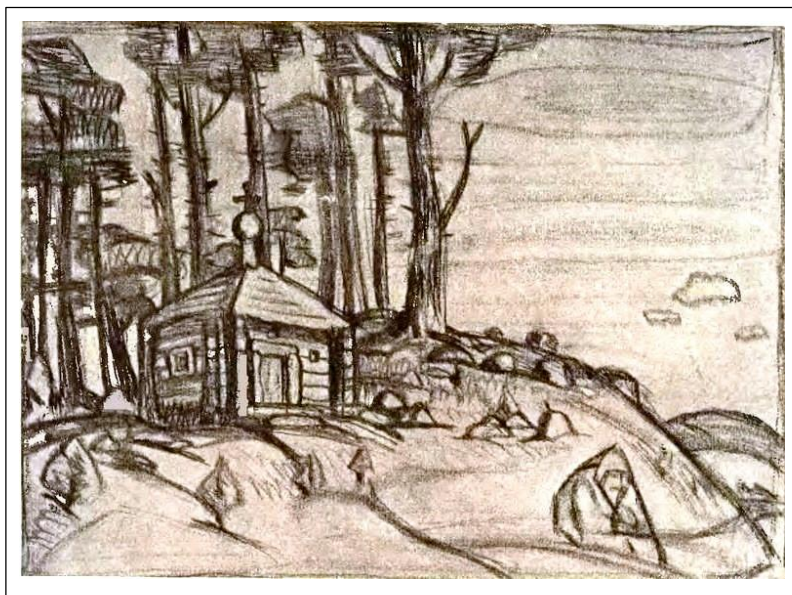

Н.К. Рерих. Бой. 1906.

Н.К. Рерих. Звёздные руны. 1912.

10 Июня 1916 г.

Н.К. Рерих. Жальник. 1915.

ЖАЛЬНИК

Кирик камень, из гнезда бабодунова, лучше всего противу изменника. По нашему времени возьми три заклятия. Первое – от вора, от супостата. Второе, не забудь, от оружия смертного. Третье, крепко помни, от грозы, от грома небесного и земного.

Первое:

“На море на океане, на острове на Буяне, стоит железный сундук, а в железном сундуке лежат ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, к нашему супостату, рубите его тело, колите его сердце, чтобы он воротил покражу, всё выдал, не утаил. Будь ты, вор-супостат, проклят моим сильным заговором в землю преисподнюю, за горы Араратские, в смолу кипучую, в золу горячую, в тину болотную, в бездонный дом.

Будь прибит осиновым колом, иссушен суше травы, заморожен пуще льда, окривей, охромей, ошалей, одервеней, обезручей, оголей, отощай, с людьми не свыкайся и не своею смертью помри”.

Второе заклятие оружия. Заговоры ратного человека:

“За дальними горами есть море железное, на том море есть столб медный, на том столбе медном есть пастух чугунный, а стоит столб от земли до неба, от востока до запада, завещает тот пастух своим детям: железу, укладу, булату красному и синему, меди, свинцу, олову, серебру, золоту, пищалям и стрелам, борцам и бойцам, большой завет:

Подите вы, железо, медь и свинец, в свою мать-землю от ратного человека, а дерево к берегу, а перья в птицу, а птицы в небо сокройтесь, а велит он мечу, топору, рогатине, ножам, пищалям, стрелам, борцам быть тихим и смирным. А велит он не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу из пищаля, а велит схватить у луков тетивы и бросить стрелы в землю.

А будет моё тело крепче камня, твёрже булата, округа – крепче куйка и кольчуги.

Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень Алатырь. А как у замков смычи крепки, так мои словеса крепки”.

Третье заклятие грозное:

“Свят, Свят, Свят! Седый во грому, обладавый молниями, проливый источники на землю. Владыко грозный! Сам суди окаянному диаволу с бесы, а нас, грешных, спаси.

Ум преподобен, самоизволен, честь от Бога, отечеству избавление ныне, и присно, и во веки веков.

Боже страшный, Боже чудный! Живый в вышних, ходай во громе, обладая огнем!

Боже чудный! Сам казни врага своего диавола; всегда, ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь”.

Сказала заклятия и пошла себе старуха за бугорок, от жальника к озеру, через ярое поле – в деревню.

Приходила за ратных, да за “неведомых тихих”, покойных помолиться. Принесла маслица угодничкам.

По холмам Новгородских Пятин стоят сосновые рощи. На целую округу темнеют шапками. Под корнями сосен густо кладены камни. Красивые места. Старинные. Было ли тут от татар, или при Грозном или в смутное время, в разоренье литовское? Всего было.

Лежат тут “тихие”, лежат “покойные”, никому неведомые “деды”. Жальники – к Новгороду. Дивинцы – к Твери, эти места называются. Дивинец-дивогород, с восхищением. Но того милее – Жальник. В нём много жаленья, покоя, слов вечных. Великими ветвями оборонились сосны. Шумят только вершинами. Внизу тень. Седой можжевельник. Две-три сухие травинки. Черника, сухая хвоя.

Камни горожены рядом и кругом. Серые. На них белый лишай. Седой мох. Много седины. В седине “тихие”. В белом “покойные”.

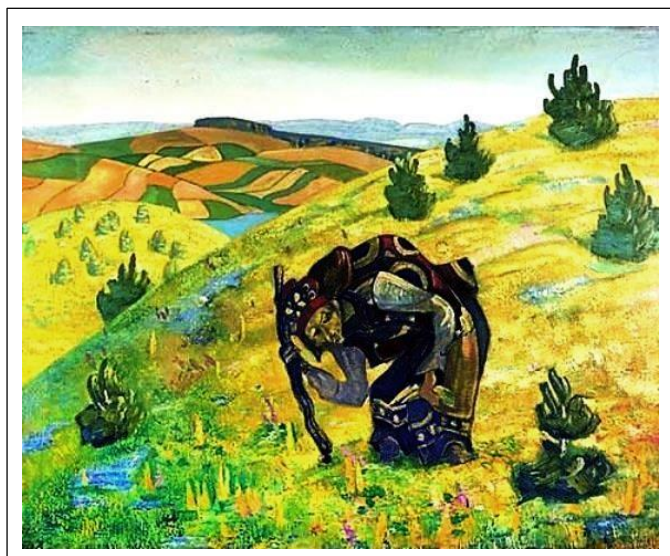
Претерпели. Все видели. Знают мудро и без смятения.

“Как на небе, так и на земле”. Как наверху, так и внизу. Что было, то будет опять.

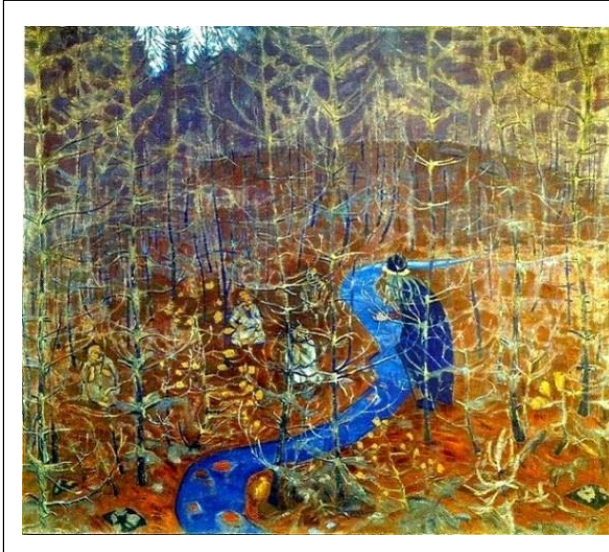
10 Июня 1916 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/49, лл. 24,25,26.

«Сказала заклятия и пошла себе старуха за бугорок, от жальника к озеру, через ярое поле – в деревню. ...»

Н.К. Рерих. Ведунья. 1916.

Н.К. Рерих. Лесовики. 1916.

Н.К. Рерих. Ночь. 1916.

Стихи Н.К. Рериха:

ТРОПИНКИ

Царя мы настигнем в лесу.
Не помешают нам люди.
Там мы спросим Его.
Но Царь всегда ходит один,
А лес весь полон тропинок.
Неизвестно, кто ими прошёл,
Проходили жители ночи.
Молчаливо прошли и ушли.
Днём пустынно в лесу.
Птицы молчат, и ветер молчит.
Царь наш далеко ушёл.
Замолчали пути и
Тропинки.

1916.

Листок из семейного архива Н.К. Рериха:

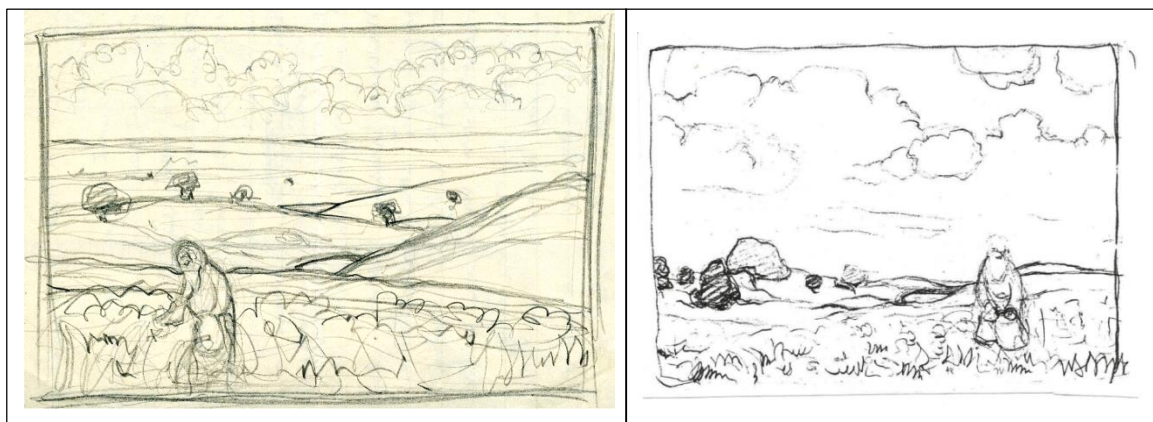
* * *

Человеческое тело имеет свой язык. Язык обобщающий даже самых противоположных. Дух человеческий по счастью тоже имеет своё понятное, убедительное слово. Слово истории. Слово культуры.

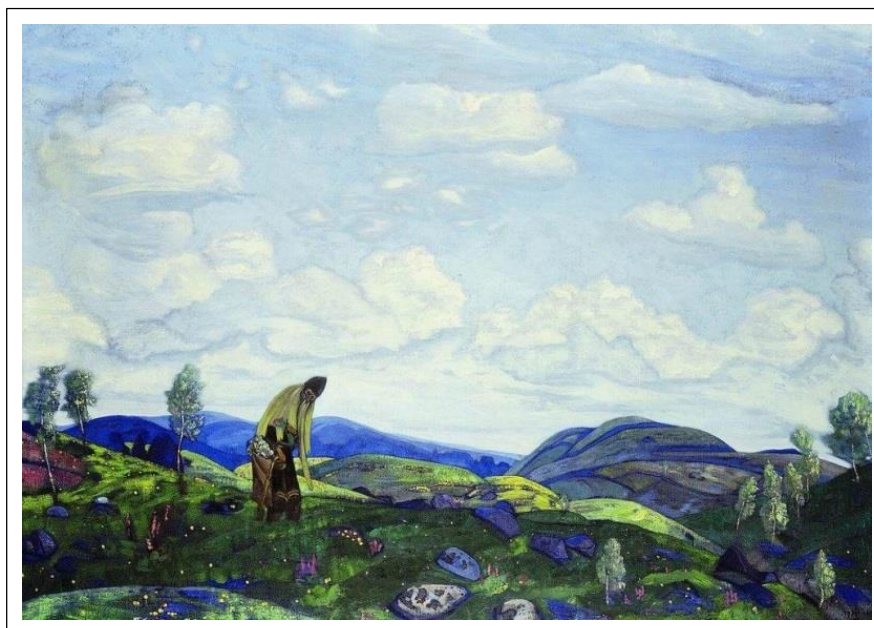
Какими бы дикарями ни старались представиться люди, всё-таки пути бывшего человеческого духа не могут быть отвергнуты вовсе. Также вечные токи земли жаждут совершенства, ведут людей высокими путями. Не может

противиться путям Земли человек, и не может счесть не бывшим бывшее, как бы чудесно, как бы недоступно оно не казалось бедным умам.

На обороте два наброска-эскиза к картине «Св. Пантелеймон-целитель»:

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/35, 2 л.

Н.К. Рерих. Пантелей Целитель. 1916.

ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ

Пантелей-государь ходит по полю,
И цветов и травы ему по пояс,
И все травы пред ним расступаются,
И цветы все ему поклоняются.
И он знает их силы сокрытые,
Все благие и все ядовитые,
И всем добрым он травам, невредным,
Отвечает поклоном приветным,
А которы растут виноватые,
Тем он палкой грозит суковатою.

По листочку с благих собирает он,
И мешок ими свой наполняет он,
И на хворую братию бедную
Из них зелие варит целебное.

Государь Пантелей!
Ты и нас пожалей,
Свой чудесный елей
В наши раны излей,

В наши многие раны сердечные;
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжело болящие,
Есть глухие, немые, незрящие,
Опоенные злыми отравами,-
Помоги им своими ты травами!

А еще, государь,-
Чего не было встарь -
И такие меж нас попадают,
Что лечением всяким гнушаются.
Они звона не терпят гуслирного,
Подавай им товара базарного!
Все, чего им не взвесить, не смеряти,
Все, кричат они, надо похерити;
Только то, говорят, и действительно,
Что для нашего тела чувствительно;
И приемы у них дубоватые
И ученье-то их грязноватое,
И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалей,
Суковатя!

*А.К. Толстой
Февраль 1866*

Николай Рерих

НОВГОРОДСКИМ СТРОИТЕЛЯМ

«**Б**огатое место Городище. Кругом синие заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь.

Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой Стороне белеют все храмы, что "кустом стоят". Виднеются Лядка, Волоотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь,

Никола на Липне, за лесом синеет Бронница. Всё как блюдечке за золотым яблочком» (стр. 210)¹.

Так писал я в 1910 году после раскопок в Новгороде.

Теперь слышу, что именно этот замечательный исторический вид собираются перерезать железнодорожным мостом. Даже болотистое место, даже изменчивое русло Волхова около Ильменя не страшит, лишь бы испортить одну из лучших страниц нашей старины. И нет желания попытаться перенести линию по другую сторону Новгорода.

С горестью знаем, что мы не любим своё. Знаем, что защита своего, древнего, прекрасного вызывает мало сочувствия и много угроз и насмешек. Но всё же во имя культуры, во имя уважения к прошлому, во имя лучшего будущего попросим ещё раз: пощадите Новгород. Обойдитесь бережно с этой колыбелью русской общественности.

Перерезать, отемнить один из лучших русских видов легко. Испортить, оклеветать — самое любимое занятие тёмных людей.

Но попытайте без ущерба поднять город; привлеките к нему новые силы, не закрывая светлые дали.

Новгород сберегите.

Старые годы. 1916. Апрель-июнь. №4-6. С. 122.

Б/д. [1916]

Письмо С. Колосова к Рериху Н.К.

Дорогой мой, хороший Николай Константинович

В предыдущем, заказном (на Мойку), письме я сообщил Вам в кратких словах маршрут, выполненный мною и Над. Ник. на телеге за 5-6 весенних недель. Мы были в озёрно-лесной чаще Поречско-Бельско-Псковской глуши. Знаю, что вы и Елена Ивановна когда-то ехали в с. Покровское (45 в. за Поречье). Так вот, к примеру, скажу, что мы с Н.Н. заехали верст на 130 дальше за Покровское в глушь лесную, обследовав дебри т.н. Щучейского края и выудив всё, что можно, в лесной рамке (вёрст на 1000 кв.) в местности, где сошлись границы губерний: Оск. Витеб. и псковской. < Натолкнулись > на культ “честного леса” (заметку по тексту “Смол. Вестника прилагаю), но что самое главное для нашей гусячско- песенной задачи – раздобыли в интереснейших цветных тонах песни: “за солдатское здравие” (на войне, “на литейном его биении”), “Сон Богородицы” – в специальной смоленской редакции (отличной от ред. по сборникам Олонецких) и – что считает песенным шедевром – обряд (с песнями) браго – пиво – медоварения на древнем Смоленском волочке” (водный путь из Киева в Новгород Великий) чрез р.р. Касплю, Межу и Обшу. Этим последним песен Русь ещё не слыхивала с эстрады. Это-то уж факт.

Словом – для нас находка этих песен равносильна тому, если бы мы нашли (что мы никогда не упускаем из виду!) для Вас, Дорогой мой, чёрную картинку. *) Гордимся находками и по-своему счастливы. Вы-то нас в этом поймёте, а другие могут над нами и нашими “фантазиями” и подтрунивать. Нас уже в начатом нами деле людям не расхолодить, не переделать.

¹ Н. Рерих. Собрание сочинений, т. 1

*) Нашли одну, но об этом при личном свидании и по выяснении на месте дела (в Поречье).

Сейчас сидим и “реставрируем” (как вы свои “чёрненькие”) в тиши свои дорогие находки. Хорошо, славно-дорого. Ну, попутно и учимся. Вот и всё.

С 1-го Августа адрес мой и Н.Н.: Гор. Поречье, Смолен. губ. Не забудьте пожалуйста, и ещё больше пожалуйста – не рвите с нами ниток старой поучительной дружбы-приязни, которыми мы раньше только гордились, и которыми потом стали во многом руководствоваться.

Сердечный привет от Надежды Николаевны. Искренно и глубоко благодарит за постоянную память. Ничего себе, подрастает и набирает силы около гуслей. С понятием.

Елене Ивановне милой целую ручку. Светика и Юрочку дорогих вместе с Вами хорошо обнимаю.

Ваш *С. Колосов*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/847, 2 л.

24 июня 1916 г. Москва

Письмо из редакции «Русское слово» к Рериху Н.К.

Июня 24 дня 1916

Редакция газеты
«РУССКОЕ СЛОВО»
и журнала
«ИСКРЫ»

Москва, Тверская, 48

Телефон 1-81-00

Дорогой друг,

Спасибо за весточку: обрадовался, увидев почерк Ваш. Так чувствую Ваше отсутствие, при всяком устремлении к новому души или ума <...> проверят у Вас всё. С «делом» нечисто. Старик мой ведёт себя в этом вопросе отвратно. Думаю в последний раз вплотную с ним переговорить. Уезжаю завтра, или послезавтра дней на 5-6 к нему (есть ряд дел) и собираюсь к нему. Тем более, что об этом просил Алексей Иванов. Официальное письмо, пожалуй, не поможет.

Относительно картин переговорю о П.?. Гордон и, думаю, выйдет толк. Пишу на <т...чке>: тороплюсь на поезд в Царское.

Примите лучший привет мой, и да заботится о Вас Пантелей – Целитель! Так рад, что Вы с <...> голос: главное, набирайтесь сил.

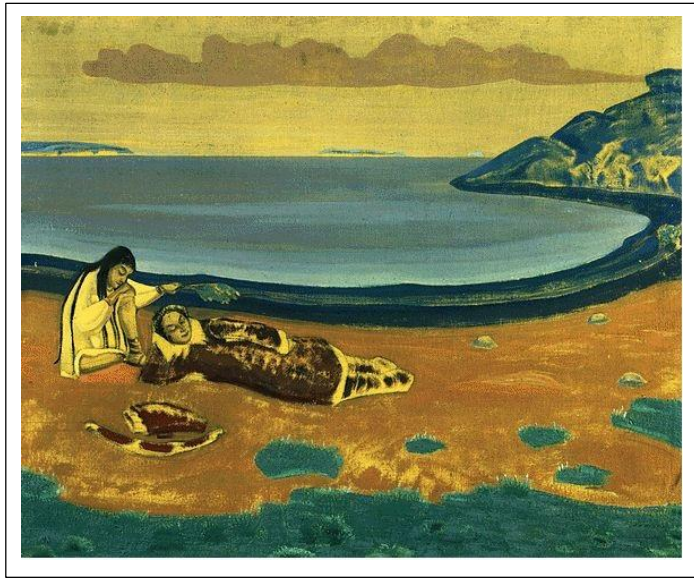
Мой сердечный привет Елене Ивановне и деткам.

Сердечно Ваш, любящий всем сердцем

Подпись (нрзб)

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1269, 1 л.

ИЮЛЬ

Н.К. Рерих. Отдых охотника. 1916.

Н.К. Рерих

НЕОТПИТАЯ ЧАША

Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая ещё милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает её не только потому, что она своя, но потому, что она красива и превосходна и, поистине, полна скрытых, великих значений.

Кроме прекрасной природы окраин, у нас бесконечно много того, что ещё недавно считалось неценным. Чего не хотели видеть из окон вагона, когда бывало, ездили "куда следует" по словарю предрассудков. Чего не хотели знать, как вообще не хотели знать возможностей своей земли и своего народа.

Когда после простудной напасти стали меня в Крым отправлять, вопреки всему потянуло меня опять в Новгородский край. Коли пройдёт, то и здесь пройдёт.

За пределами оконного кругозора столько изумительных красот и в Водской и в Шелонской Пятинах, так близких по значению смысла Новгорода и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Но о памятниках древности. Их тоже много. Музей - музеем. А жизнь - жизнью. И теперь как-то не нужно мыслить о былом. Теперь - настоящее, которое для такого великого будущего.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: всё пройдёт, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где недра не тронуты, там и сущность народа тверда, без смятения. Новгородцы бодры.

Суровы так же, как непроходимы леса, которыми засинели дали. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новгородских Пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озёр. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменные. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинута. Белые с зелёным, лиловые, красные, оранжевые, синие, чёрные с жёлтым... Любой выбирай. Всё нетронута. Ждёт.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками - храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюженскому пути. Мста и Шелонь, Шерогадро, Пирос, Миронег, Шлимно, Бронница и Валдай. Иверский монастырь, Нил Столбенский, Возвышенности Валдайские. Всё это - красота. Красота бодрая. Неописанная.

А вот и чудо. Не то чудо, что ещё живы русалки. Жив ещё "честной лес". По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время ещё.

А вот чудо. Среди зелёного, мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина. Чаша неотпитая. Яма - сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям всё заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлётов. Бьёт мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студёная вода полна железом и пить трудно. Сильно пахнет родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому и дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Ещё известны ключи в Варницах. И грязи целебные. Варницы - старое место, ещё при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же и горячие ключи - тоже никому не нужные.

Живая вода по полю, по озёрам разбегается. И странно, и больно, но и радостно знать, что даже на больших путях нетронуты такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдёт испытание. Всенародная, всебуровая, крепкая делом Русь стряхнёт пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберётся сил. Найдёт клады подземные.

Точно неотпитая чаша, стоит Русь.

Неотпитая чаша - полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждёт.

Сменцово, 1916.

Н.К. Рерих. Берег. 1916.

Н.К. Рерих. Озеро. Северный пейзаж. 1916.
(Ч/б фото с картины)

6 июля 1916 г.

† НЕКРОЛОГ

И.Е. Репин. Портрет Степана Петровича Крачковского

6-го июля на австрийском фронте погиб подполковник С.П. Крачковский, один из самых ревностных и бескорыстных друзей искусства.

С.П. Крачковский родился в г. Конотопе. Из 7-го кл. Черниговской гимназии он перешёл в Чугуевское юнкерское училище, по окончании которого поступил на военную службу. Но жизнь провинциального армейского офицера не удовлетворяла покойного; его потянуло к литературе, к искусству. Более широкое знакомство с искусством С.П. приобрёл благодаря поездкам в Москву, Петроград, Варшаву. Постепенно у него явилась страсть к коллекционированию картин, которое вначале носило случайный, бессистемный характер, но затем, вместе с развитием вкуса, знакомством с лучшими произведениями искусства в столицах, С.П. Крачковский стал приобретать лишь исключительно подлинные произведения крупных художников. Не обладая достаточными

средствами для таких приобретений. С.П. письменно обращался к некоторым художникам, откровенно изложив им положение дел и свою страсть к искусству. У него таким образом завязалась переписка с Репиным, Суриковым, Рерихом, А. Бенуа, Грабарём и др., которые много содействовали к пополнению его коллекции. За несколько лет до войны С.П. удалось осуществить свою заветную мечту: выслужить пенсию, переехать на жительство в Петроград и всецело отдаться своему любимому искусству. Но война оторвала его от этой идиллии и заставила вернуться в ряды армии, где и нашёл свою смерть.

Его скромная квартира на Фонтанке представляла собой своего рода музей современного искусства, который по завещанию покойного целиком переходит в организованный Н.К. Рерихом при О-ве поощрения художеств Музей современного искусства.

Коллекционерство покойного было продуктом искреннего увлечения искусством, для которого он ограничивал до *minimum*'а все свои другие потребности, не останавливаясь даже перед тем, чтобы путём лишения получить возможность приобрести какое-нибудь ценное произведение искусства. Полученное С.П. Крачковским небольшое наследство также целиком пошло на пополнение его коллекции.

Искусство и жизнь. 1916. № 6. С. 21.

Н.К. Рерих. Князь. 1916.

12 июля [1916 г.]

Письмо Щусева А.В. к Рериху Н.К.

Дорогой Николай Константинович!

Очень рад, что Вам удалось оправиться от болезни и отдохнуть.

Я хотя и не болел последнее время, но потерял обоняние и хочу недели на 3 вырваться на грязи в Евпаторию, так что в конце Июля Вы меня можете не застать, но если зайдёте в мастерскую – помощники Вам покажут много новых рисунков. Бывая в П-ге в последнее время, я несколько раз звонил Вам, но мне не отвечали.

С Билибиным едва справился, так он захвачен делами в Крыму, на которые ему нужны бесконечные расходы.

Ресторан с Бенуа мы смастерили, как будто недурно в модели. Он сбивался всё время на Елизаветинский стиль, но, в конце концов, вышел русский барокко, а шаблоны рисовать будут у меня в мастерской, живопись же <фрязь> тут подойдёт.

Щербатов написал для меня вещи, но не показал ещё, он вечно в погоне не за вечностью, а за новостью, не знаю, что у него выйдет, точно также я отношусь и к Аполлону, т.е. как к журналу новостей, а не качества, а потому не выписываю его в этом году.

Меня завалили ещё новыми заказами и кое-что вышло довольно интересно, напр. церковь на братск. кладбище в Москве для сестёр милосердия, погибших. Между прочим, Гончарова сделала милые эскизы для моей Бессарабской церкви.

Как у Вас идут панно для Вашего вестибюля? Берншт[ам] писал, что у Аллегри вышло чудесно, я очень рад. Был у меня Щуко, Токмаков, <...> и мн. др.; в начале Авг. я вернусь в Москву.

Искренно преданный

АЩусев

12 Июля

Ряз. вокз. , стр. контора.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1535, 2 л.

25 июля 1916 г. Киев

Письмо Франца Шебека к Рериху Н.К.

Киев.1916. VIII. 25.

Высокочтимый Николай Константинович!

Надеясь на Вашу любезность, осмеливаюсь побеспокоить вас покорной просьбой, не отказать удостоить меня собственноручной подписью, которую я бы очень просил поместить на лицевой стороне прилагаемой Вашей фотографии. Несказанно буду обрадован и благодарен.

С глубоким почтением

Франц Шебек

Киев. Золотоворотская, 4. Кв. 3. Ф. Шебеку

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1494, 1 л.

28 июля 1916 г.

Николай Рерих

За Новгород

Мне пишут: «Ну что же ваши общества, где они и что ими охраняется? Организуйте защиту — вся ваша деятельность взывает к вам». При письме прислана искренняя статья А. Анисимова из «Речи» о нелепом проекте проведения железной дороги через Новгород, которая перережет самые священные исторические места.

Радуюсь, что находятся люди, восставшие за священность и красоту старины; отчасти могу их успокоить.

Общество защиты памятников искусства и старины уже весною обсуждало это возмутительное дело и, конечно, единогласно и горячо решило воспрепятствовать нелепому проекту; затем была мною передана в совет Общества записка о значении мест, подвергающихся опасности искажения. Не было двух мнений о том, что прикасаться к лучшим историческим местам кощунственно и немислимо в наши дни понимания настоящих государственных народных ценностей.

О значении этих самых мест Новгорода мне пришлось писать ещё в 1910 году по поводу раскопок в Новгородском Детинце, а теперь, чтобы не повторяться, скажу только:

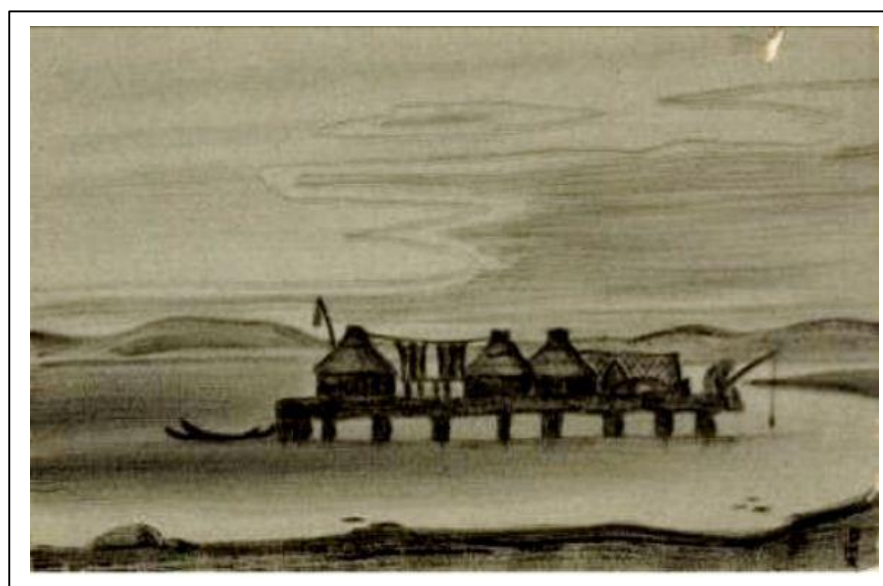
Стыдно нам, если и в наши дни вырастают такие проекты. Неужели наше строительство, так нужное и долгожданное, должно проходить лишь среди кощунства над лучшими местами государства. Неужели это нельзя предвидеть и вести проект дороги по другую сторону Новгорода, где ничто не нарушится, да, кстати, и болот меньше.

Верю, что министр путей сообщения не даст совершиться делу непоправимому.

Всё — для войны сейчас. Но все подвиги, всё строительство и творчество должны быть с сознанием своего достоинства, во имя будущего роста отечества, при котором священность лучшего прошлого — залог культурного и светлого будущего — ляжет краеугольным камнем.

Если германцы безгранично унизили свою прошлую культуру злодеяниями в Лувене и Реймсе, то неужели мы можем повредить нашу колыбель общественности, наш священный Великий Новгород?

Биржевые ведомости. 1916. 28 июля / 10 августа. Утренний выпуск. № 15705. С.3.

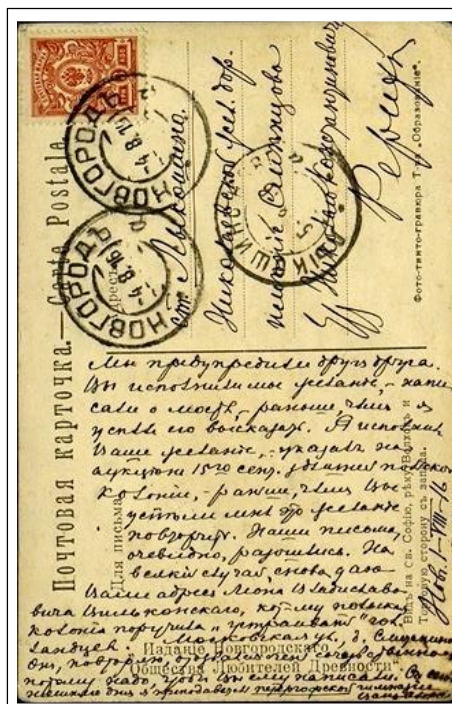
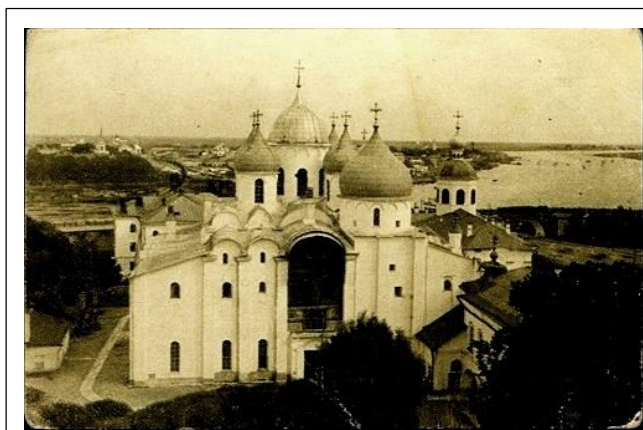

Н.К. Рерих. Каменный век (Свайные постройки). 1916.

АВГУСТ

1 августа 1916 г. Новгород.

Открытое письмо Азарова В.Б. к Рериху Н.К.

Вид на Св. Софию, река Волхов и Торговую сторону с залива.

Почтовая карточка. Carte Postale
Ст. Лыкошино. Николаевской жел. дор.

Николаю Константину Рериху

<... Слепцова>

Николаю Константину Рериху

На штемпелях даты: Новгород 4. 8. 16. / Лыкошино 5. 8. 16.

Мы предупредили друг друга. Вы исполнили моё условие – написали о <моёму> раньше, чем я успел его высказать. А исполнив Ваше условие, указал на аукционе 15го сентября здешней польской колонии, - раньше, чем Вы успели мне это желание повторить. Наши письма, очевидно, разошлись. На всякий случай, снова даю Вам адрес Леона Владиславовича Вильконского, которому польская колония поручила «устраивать» голландцев:

Московская ул. <...> Л. Вильконский.

Он, повторяю, отзывался очень сочувственно, потому надо, чтобы Вы ему написали. До сегодняшнего дня я преподавал в Петергофской гимназии.

Новгород. 1-VIII. 16.

Архив Музея Рерихов, Москва.

1 Августа 1916.
Стихи Н.К. Рериха

Листы из семейного архива Н.К. Рериха (ОР ГТГ, ф. 44/42 .)

ЛЮДСКОЕ.

- 1) Я лежал двадцать дней. Говорят,
что я был болен. Никого из
пришедших не впустили ко мне.
Все наши нужные дела
отстранили от меня.
Не мешало мне все нас занимающее.
Я должен был что-то
узнать. Что-то увидеть.
В окне казался кусок неба. Я
глядел бы в него. Но только начинают
летать гневные мухи. А небо
было не то же.

- 2) Не знаю, придётся ли мне без
занятий лежать двадцать дней.
Без дел, без людей, придётся ли
увидать особое небо.
Или его увижу посреди
ежедневных дел? Посреди
людей? Или его совсем не
увижу? Или его увидеть нельзя?
Если буду лежать больной, опять буду
ждать увидеть особое небо.
Оно не может быть ежедневным?

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/42, л. 11.

Н.К. Рерих. Озеро.1915.

ПОМОЖЕТ

Мальчик, опять ты ошибся.
Ты сказал, что лишь
чувствам своим ты согласишь.
Для начала похвально, но как
быть нам с чувствами теми,
что тебе незнакомы сегодня,
но которые ведомы мне?
И в чувствах первейших,
которыми ты овладел,
как ты полагаешь, - поверь,
ты ещё несовершенен.
Слух разве подвластен тебе?
Твоё зренье бедно.
Грубо твоё осязанье.
О неведомых чувствах,
если мне не согласишь,
я укажу тебе каплю
воды без стекла рассмотреть.
О населяющих воздух мне
рассказать. Ты улыбнулся.
Ты замолчал. Ты не ответил.
Мальчик, водительство духа
чаще ты призывай,
оно тебе в жизни
поможет.
1916

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. Цветы Мории. Берлин. 1921.

Листы из семейного архива Н.К. Рериха:

Мальчик, опять ты ошибся.
сказал
Ты ~~говори~~л, что лишь
согесишь ты
Чувствам своим ты согласишь.
Для начала
~~Эт~~о √ похвально, но как же
быть нам с чувствами
что
теми, ~~о которых~~ сегодня
тебе незнакомы, но которые
ведомы мне.
первых самых первейших
И в ~~тех незнакомых~~ чувствах, √
Которыми ты овладел,
Так как ты полагаешь, — поверь,
Ты ещё несовершенен.

Слух разве

~~Разве След их разве~~ √ подвластен тебе? Твое зренье бедно.
Грубо твоё осязание.
О неведомых чувствах,
если мне не поверишь,
я ~~прикажу~~ тебе укажу
каплю воды без стекла
рассмотреть, о населяющих
воздух мне рассказать.
Ты улыбнулся. Ты замолчал.

ты

Ответить √ не можешь.
Мальчик, водительство духа
Чаще ты призывай,
Тебе оно в жизни поможет.

Л. 2.

Сделал так как хотел
Хорошо или худо не знаю.

Л. 3.

В землю копье мы воткнем.
Окончена первая битва.
Оружье мое было крепко.
Мой Дух был бодр и покоен.
Но в битве я, мальчик, заметил,
блеском цветов

Что √ ты отвлекся ~~цветами~~.
(Ведь битва не долг для тебя.
Из-за тебя ведь я бился.)
Если ~~битву~~ мы встретим, врага,
Ты битвой, мальчик, зажгися
В близость победы поверь.

непреклонным

Глазом стальным, ~~неуклонным~~
Зорко себя очерти,
Если битва нужна,
Если в победу ты веришь.
Теперь насладимся цветами
Послушаем горлинки ~~стены~~ вздохи.

Лицо

~~Руки~~ в ручье охладим.
Спрятался кто там за камнем?
~~Кто за камнем?~~
~~К бою снова труби!~~
К бою! Я вижу врага.

Убийство

Милый мой мальчик
Ты у меня просил разрешение
Ради добра и для знания
Ты жука умертвить [л]. Я тебе разрешил.

просил ты

С тою же целью Ты ~~просишь~~

была убитъ

Ты позволения птичку убить.
Тебе было позволено.
Затем ты подрос и
~~И просил разрешить убить зверя.~~
Только для добра и знания.
Мальчик зверя убил.
Теперь просишь ты разрешить
Ради добра убить человека.
Я тебе разрешил умертвить
Жука, птицу и зверя,
их
Если ты \sqrt умертвил
~~Жука, птицу и зверя,~~
Почему тебе не убить человека?
Впрочем не знаю, мой мальчик.

Л. 7.

~~Как сказать о том, что не знаешь?~~
Усмешку оставь, мой приятель.
Ты ведь не знаешь, что у меня
Здесь сокрыто. Ведь без тебя
я пополнил этот ларец.
Без тебя я тканью закрыл
И ключ в замке повернул.
На стороне расспросить
Тебе никого не удастся.
Если же хочешь болтать
Тебе придется солгать.
~~Чем ожидать и увидеть~~
Если ты хочешь – солги.
Но ларец я теперь не открою.

Л. 11. 6.

Убийство

Ошибаешься, мальчик. Зла нет.
Зло сотворить Великий не мог.
Есть лишь несовершенство.
Но оно так опасно, как то,
что ты злом называешь.
Князя тьмы и демонов нет.
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
Мы населяем бесчисленных тварей,
Безобразных и страшных по виду,
Кровожадных и гнусных.
Они стремятся за нами.
Наши творенья они. Размеры
и вид их нами творятся.
Берегись рой их умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут. Осторожно
к толпе прикасайся. Жить трудно,
мой мальчик, помни приказ:
жить, не бояться и верить.

А после удастся и полюбить.
Темные твари это очень не
любят. Сохнут и гибнут тогда.

Л. 13.

Мальчик, вещей берегися!
Часто предмет, которым владеем,
Составляет против нас заговор.
Это самый страшный из всех мятежей.
Пределы его неизвестны.
Не улыбайся, не думай, что я глуп
или болен. При себе носим годы злодея,
Не зная, что это твой враг,
Поклявшийся всем отомстить.
На совете имущества вашего
Маленький нож перочинный
Всегда вам враждебен.
Бывает враждебна любимая палка.
Часто встают мятежом
Нередко книги уходят безвестно.
К мятежу пристают иногда
Самые мирные вещи.
От такого врага спастись невозможно.
Под страхом мести смертельной
вы живете долгие годы.
И в минуты раздумья и скуки
Врага ласкаете вы.
Если кто уцелел от людей,
то против вещей он бессилён.
Осторожно мальчик мой милый
Вещи себе выбирай.

Л. 13 об.

Слова о добре мы все знаем
с легкостью слышим добро
и с трудом его претворяем.

Слева вдоль текста:

С ленью мы
Словарь добра постигаем
Но претворить его трудно.

Ошибаешься, мальчик!

Зло сотворить Великий не ^г может.
Зла нет. Но есть лишь
несовершенство. Но оно
так же опасно, как то,
что ты злом называешь.
~~Демонов нет~~
Князя тьмы и демонов нет.
Но мы нашею глупостью
Но ложью, гневом и глупостью
~~и тупостью и убийством~~
мы натворили уйму скверными
населили безобразных тварей

Слева вдоль текста:
Безобразных и страшных
по виду

они стремятся за нами
твореця
наши √ они. Берегися
их рой умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут.
Жить трудно, мой мальчик
Помни приказ: жить,
не бояться и верить.
А после удастся и полюбить.
Тёмные твари это очень не любят.

Л. 22.

Не можем

На три вопроса ответь:
на чем могу я узнать
Сколько лет ворон прожил?
До самой дальней звезды
Каково от нас расстоянье?

теперь

Что я желаю ~~сейчас?~~
Приятель, о путь мы не знаем.

все

~~Друг~~, Опять нам √ неизвестно.
Опять должны мы начать,
Кончить ничто мы не можем.

Ты думаешь мальчик что
кончил
Ты полагаешь что кончил?

Л. 22 об.

Знаю мальчик, что биться
Час мой теперь настает.
Мое оружие крепко.
~~Но спину мне защити.~~
~~Милый мой мальчик,~~
~~Что впереди то не страшно~~
Встань мой мальчик за мною

ползущем

О враге ~~мне~~ √ скажи,
~~Зовом мне спину~~
Что впереди то не страшно.

Л. 23.

25 <верн> x 2- 33.

Мальчик, с какою
печалью ты сказал
мне что стал день
короче.

11. Сон

Какой сон не добрый!
К чему может он быть?
Будто бы лежал я больной
дойти до источника
и томился ~~и немного~~.
И не мог. Кто мне поможет?
Женщина идёт. Женщины добры.
Она мне воды принесёт.
«Женщина, подойди к источнику
и принеси мне напиться».
«Я не могу, я несвободна.
~~нужь~~ К источнику доступ нам запрещён».
Но ~~вот~~ идет простой человек.
Он просьбу услышит.
«Брат, от источника принеси мне воды».
нам не дозволено
«Я ведь крестьянин, ~~или не видишь~~»
Еще идет человек; его попрошу.
«Не смейся, я ведь еврей, нам нельзя».
Сколько народу прошло, и всем
почему-то нельзя. Запрещено, не дозволено.
~~Какой сон недобрый!~~
Бессмысленный сон! Царь наш
когда приезжал сказал нам
Что свободны все люди.

12. Игры

Не подходи сюда мальчик
Тут за углом играют большие.
Кричат и бросают разные вещи.
Убить тебя могут легко.
Скверные игры больших.
На твои *жи*
~~Они не походят~~ игры они не походят.
Это не то, что пастух деревянный
И кроткие овцы с наклеенной шерстью.
Подожди, ~~скоро~~ игроки утомятся
Кончатся игры людские.
И пройдешь туда, куда послан.
Людей и зверей за игрою не трогай.

13. Враги.

Мальчик, ~~не слушай~~
Ссоре значенья не дай.
Запомни, большие странные люди.
Сказав друг о друге самое злое,
~~Завтра готовы~~ прежних врагов
Завтра готовы друзьями назвать.
А спасителю другу послать обидное слово.
Уговори себя думать, что злоба людей
неглубока. Думай добрее о них, но
друзей и врагов не считай, ошибешься!

Л. 5.

14. С легкостью мы словарь добра
 постигаем
Но претворить не умеем
 (его трудно)
~~Мальчик, я тебе повторяю~~
Все что услышал от деда,
Я тебе повторяю, мой мальчик.
А дед ~~мой~~ услышал это тоже от деда.
Каждый дед говорит.
Каждый слушает внук.
 милый
~~Своему~~ Внуку, √ мой мальчик,
Рассказать
~~Ты повторить~~ все что услышал.
Говорят, что седьмой внук исполнит.
 если не сделает
Не огорчайся ~~и не ми,~~
 сказал
все сделать, как ~~говори~~ я.
Помни, что мы только люди.
Твердить о доброте мы должны.

15. Подойди ко мне, мальчик, не бойся.
~~Не бойся меня~~
Большие тебя научили бояться.
~~Люди~~ Только пугать люди могут.
Ты рос без страха.
Вихрь и мрак
~~Мрак~~ и огонь,
вода и пространство.
ничто не пугало тебя.
Меч извлеченный тебя восхищал.
 К огню ты
~~Яркость пламя~~ протягивал руки.
Теперь ты напуган
Все стало враждебно тебе.
Но меня ты не бойся.
У меня есть ~~тайное слово~~ друг тайный
Страхи твои отвратит он.

Слева на полях:

Когда ты уснешь,
Я тихонько позову к изголовью
Того, кто сумел.
 слово
Тебе ~~его~~ он √ шепнет.
Смелым встанешь, Бог даст...

Л. 5 об.

16. Мальчик с сердечной печалью
 сказал мне, что стал день короче,
Ты ~~говоришь, что становится~~
что становится снова темнее.
~~Снова темнее.~~ *День короче*
Это затем, чтобы

Новая радость возникла:
Прибавлению
Ликованье рождения света.
Видишь, я знаю
Знаю грядущую радость
Приходящую радость я знаю.
Будем ждать мы ее мы терпеливо.
~~Знаю, мальчик, но теперь~~
Но теперь как день станет короче
тоскливо
всегда непонятно печально проводим
мы свет. Притаимся в потемках
~~В потемках мы притаимся.~~

17. Не беги от волны, милый мальчик.
Побежишь – разобьет, опрокинет.
Но к волне обернись, наклонись
и прими её твёрдой душою.
Сделал так, как хотел,
хорошо или худо, не знаю.
Слово не знаю не боюсь сказать.

Л. 9.

+ При себе носить годы злодея

17. Часто предметами которыми
мы владеем
Составляют заговор против нас
Это самый страшный
Из всех заговоров.
Пределы его неизвестны.
~~Годы вы носите при себе~~
Маленького – злоумышленника
Не зная что это ваш враг
Поклявшись вам отомстить.
На совет вы его в..
Маленький
Всегда

Слева на полях вдоль текста:

По неразумию к за
От такого врага

Л. 9 об.

Мальчик, ты говоришь,
Что к вечеру в путь соберешься.
Мальчик мой милый не медли
Утром войдем с тобой
В лес душистый мы вступим.
Среди молчаливых деревьев,
В студеном блеске росы,
Под облаком светлым и чудным
Мы пойдем в дорогу с тобою.
Если ты медлишь идти
еще

Значит ~~ты не знаешь~~
Что есть начало и радость
Первоначало и вечность.

1 Августа 1916.

Л. 10.

В толпе нам идти тяжело
Сколько сил и желаний враждебных.

X-----

В сторону выйдем и
На пригорке где столб стоит
Древний мы сядем.
И пойдут себе мимо.
Все порожденья осядут внизу.
И мы подождем.
И если бы весть
В священных знаках возникла
Устремимся и мы
если их понесут.

Мы встанем и воздадим
почитанье.

Зорко мы будем смотреть
Остро слушать мы будем.
Будем мы мочь и желать
И пойдём тогда, когда
нужно.

X-----

Спустились темные твари
На плечи и лица прохожих.

Л. 10 об.

Встань друг, получена весть,
Сейчас я узнал, где хранится
Один из знаков священных.
Окончен твой отдых.
Подумай о счастье, если
Один знак найдем мы.
Надо до солнца идти.
Ночью все приготовить.
Небо ночное, смотри,
Невиданно сегодня чудесно.
Я не запомню такого.
Млечный путь заткан богато
Там за Арктуром знаки
Новые звездные знаки
Блестят и туманность
Созвездий ясна и блестяща.
Разве не видишь ты
Путь к тому, что
Мы завтра отыщем.
Бери свое достоянье
Обувь покрепче одень,
Подпояшься потуже
Светлеет восток. Нам пора.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/42.

ХРОНИКА

6-го июля на австрийском фронте скончался подполковник Степан Петрович Крачковский, коллекционер картин, истинный и бескорыстный друг художников и ценитель искусства. Небольшая численностью произведений (около 100 номеров), но выдающаяся по качеству собранного, коллекция по завещанию покойного поступает в недавно основанный Н.К. Рерихом при Императорском Обществе поощрения художеств Музей современного искусства. Коллекция включает в себе отличные работы Репина, Серова, Сомова, Нестерова, Левитана, Сурикова, Александра Бенуа, Рериха, Грабаря, Кустодиева и др. и является ценным приобретением нового музея.

Архитектурно-художественный еженедельник. 1916. 31 августа. № 35. С. 351.

3 августа 1916 г.

Н.К. Рерих

С. П. КРАЧКОВСКИЙ

Только что о нём вспоминали. Только что называли его стремления и задачи светлыми и ценными. Только что собирались с ним работать близко и долго.

Всё остановлено запоздалым пакетом с карпатского фронта. Скончался 6-го июля. Как скончался, где погребён? Ещё и не знаем.

Точно и не о нём пакет. Не о том, кого мы знали и любили. О нём ли извещают, кто недавно прислал письмо с Карпат:

«Здравствуйте, дорогой. Привет и память о вас шлю с горных вершин, куда, кажется, никто не взбирался. Живу в лесу у ручья в шалаше из веток и моха. Ночью холодно очень. Цветов и птиц мало. Когда вхожу в село, - сейчас к священнику: выпрашиваю о старине. Здесь живут гуцулы. Интереснейшие 2-вековые церкви. Удалось приобрести интересный резной крест и жбан, в котором освящают кукурузу, икону и пр. Буду продолжать разведывать по этим местам и спасать памятники старого искусства. Усиленно гоним австрийцев, очень деморализованных. Радуюсь нашим успехам на других фронтах. Как живёте? Напишите о себе».

Хорошее, трогательное письмо. Ответить на него могу уже лишь теперь.

Подумайте: офицер удалённых армейских полков весь горит искусством и знанием. Далёкая провинция не только не тушит порыва его, но ещё как-то обостряет.

Со скромными средствами, углублённый, кристально простой и чистый, Степан Петрович Крачковский, несмотря на все препятствия, претворяет мечты в дело.

Узнаёт художественную литературу. Знакомится с художниками. Наконец, осуществляет свою высшую мечту: начинает собирать картины. Каждое приобретение даётся с трудом. Средств мало. Удалённость службы мешает. Но через все препятствия идёт Крачковский, и зато каждая удача приобретения радует его глубоко и чисто. Весь он светится, говоря о том, что его жилище украсилось ещё новою вещью.

Заметьте: самоучка, в полном смысле, оторванный в далёкой провинции, он всё время стремится к истинному искусству. Он идёт самосильно и верно. Ведь это так редко у нас. Ведь это так ценно.

У Крачковского накапливаются произведения: Репина, Левитана, Серова, Врубеля, Сомова, Нестерова, Бакста, Рябушкина; составляется продуманное собрание, более ста вещей. И притом сколько планов, сколько стремления ещё ближе подойти к искусству.

За год до войны Крачковский вышел в отставку и переехал в Петроград.

Давние мечты его исполнились. Он воочию подошёл к искусству и к художникам. Ему всею душою хотелось знать и видеть. Он бывает у Репина. Посещает лекции и собрания. Переписывается с Грабарём. Горит сам и бесконечно трогает своим подъёмом и любовью. Война отозвала его от новой жизни. Но и среди боёв он жил с нами. После боя писал: «Было ваше грозное небо».

На моё предложение помочь новому музею русского искусства при школе Императорского Общества поощрения художеств Крачковский глубоко трогательно ответил завещанием, отдавая музею всё своё собрание и всё своё достояние. Он так радовался искусству, что захотел, чтобы его радость передалась многим преданным этому делу.

Подвиг самообразования, подвиг собирательства Крачковский освятил подвигом общественного служения.

Свою радость, радость тяжело добытую, но тем светлую, он завещал русской учащейся молодёжи. В гору всё время шёл он; остался в Карпатах, куда никто не взбирался. Это будет знать молодёжь и, любуясь и поучаясь его собранием, тоже пойдёт в гору великого русского подвига.

Скончался полковник Степан Петрович Крачковский.

Пошли Господь России побольше таких светлых людей.

Биржевые ведомости. 1916. 3/16 августа. Утренний выпуск. № 15717 С. 2.

6 августа 1916 г. Петроград

Дим. Крачковский

Памяти брата

С глубокой печалью я узнал сегодня из статьи Н. Рериха о смерти моего двоюродного брата полковника С. П. Крачковского.

С покойным одно время меня связывала самая крепкая, не родственная даже, а какая-то «античная» дружба. Мы переписывались ежедневно, томились, если не получали писем, и высказывались в письмах до дна, до предела. И всё об искусстве, всё о красоте, всё о жизни для искусства и искусстве для Бога. Когда встречались - те же разговоры, те же поиски прекрасного и замечательного, маленькие споры и большое нахождение. Шло время, и эти маленькие споры стали у нас большими, но никогда я не переставал удивляться его горению, его возвышенному уединению, его служению всему истинному и непреходящему. К душе каждого художника, знакомого и мало-знакомого, он подходил как к хрупкой, нежной вазе, а к творчеству его, как к голосу Творца, глаголавшего через своего избранного. С. П. Крачковский никогда не переставал удивляться, что мы живём на земле, как на небе, и всё наше земное по волшебству искусства возносится к чертогам заоблачного и лазурного.

«Я получил письмо Бальмонта, - писал мне брат, - замечательное письмо». «Я получил ответ на своё письмо Грабарю - замечательный ответ». «Я гостил у Репина, - удивительный он мастер!» И всегда так: замечательный, удивительный. Возлюбив, он начинал преклоняться, и не было у него тогда других слов - только удивительный, замечательный. Он знал несложный пафос истинного преклонения и знал, что в простоте удивления таятся истоки молитвы.

Помню, как вместе с братом мы покупали в Москве у покойного В. И. Сурикова его карандашные эскизы к Ермаку. С Суриковым я был хорошо и тепло знаком, и он дёшево «уступил». «Какая радость, - говорил С. П. - у меня есть теперь Суриков! Я счастливейший из смертных». Покупали мы Переплётчикова. Тоже знакомый мой. Отправились к Земляному валу в домик Переплётчикова, и как хорошо, как горячо и светло говорили об искусстве! Советовался брат со мною о Рябушкине, о Судейкине,

продавали И. Крачковского, ибо в академике Крачковском с течением времени брат разочаровался и всё говорил: лучше бы его продать. Из магазина Аванцо ко мне на квартиру в Москве то и дело присылали случайные «замечательные» вещи, брат внедрялся в них, вонзался, стремительно выхватывал лучшие и закреплял за собою. И этак, волнуясь и трепеща, с самыми незначительными средствами, он сумел обогатить своё собрание интимными и чудесными именами: Нестеров, Серов, Суриков, Врубель, Рерих, Репин, Сомов, Левитан, Грабарь, Бенуа, Бялыницкий-Бируля, Переплётчиков, Зарубин и другие. Лет пятнадцать-двадцать тому назад он покупал «стариков»-передвижников, потом разочаровался в них, продавал и радостно обращался к новому искусству. Трогательно-нежно он относился всегда к И. Е. Репину и лучшими минутами своей жизни считал беседы об искусстве с И. Е. С любовью и уважением отзывался всегда об Игоре Грабаре и так возвышенно ценил каждую беседу с ним, каждое указание. К. Д. Бальмонт присылал брату свои стихи. Брат говорил: «В моей глуши меня не забывают» — и любовался каждой, каждой строчкой Бальмонта.

Все свободные от строевой службы минуты он проводил в своём кабинете, созерцая и в тысячный раз разглядывая одни и те же картины. Потом перечитывал дорогие письма. «Какие письма, какие люди!» — восклицал он. И так, в далёкой провинции, в полку, а потом в Петрограде оставаясь верным себе и своей простоте.

Не будучи художником, он так хорошо и так умно понимал душу художника. Любуясь картинами, он, казалось мне всегда, любовался интимнейшей мукой художника, соприкасался с этой мукой и, постигая её, был так нужен самому художнику. Он не мог не писать художнику, не высказываться, не говорить. Отсюда вся его переписка, отсюда все его дружеские связи с художниками и знакомства. Знакомств добрых у него было немало, и радуюсь я, что умер он не одинокий.

Смерть на Карпатах оборвала это дело его жизни, эту его мечту. Он умер для отечества. А отечество требует своих жертв и знает, зачем требует. Скоро явится новое будущее и с новым будущим – новое, чудесное искусство.

Бержевые ведомости. 1916. 6/19 августа. Утренний выпуск. № 15723. С. 3.

**12 августа 1916 г. Павловка.
Письмо С. Эрнста к Рериху Н.К.**

Павловка, Тамб. губ.
12 августа 1916 г.

Большое спасибо, глубокоуважаемый Николай Константинович, за Вашу добрую память о моей книжке - Н.Г. Блазер передал мне Ваше согласие на включение в список работ 1916 г. - несомненно, это – очень интересно и важно; думаю, что список можно будет дополнить по Вашем возвращении.

Рукопись уже окончательно сдана, иллюстрации тоже готовы, оказалось возможным число их увеличить до 70 (10 цветн. и 60 однотонных).

Мы мечтаем, что в число их войдут и несколько снимков с последних Ваших работ. С истинной печалью узнал о смерти С.П. Крачковского... Горько, когда из жизни уходят такие редкие и особенно – нужные люди. Но то, что он сделал, должно быть утешением нашим. Теперь изменяются и судьбы Музея.

Пишу Вам из Тамбовского имения кн. С.М. Волконского, где я уже несколько дней - хочу немного отдохнуть перед зимой.

Душевно <почитающий>

Ваш Сергей Эрнст.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1546. 1 л.

[18 августа 1916 г.]
Открытое письмо С. Колосова к Рериху Н.К.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

—Петроград. Мойка, 83.
Его Превосходительству
Николаю Константиновичу Рерих

Приложена справка на почте:

Рерих выбыл Н.ж.д Ст. Лыкошино
Имение Хряново
Почтальон *[подпись]* 22/8 1916 г.

На штемпелях даты:

Петроград. 18.08. Кологрив. 19.08. 16.

18/VIII Кологрив.

Дорогой наш, любимый!

Застали письмо Ваше здесь. Оно так хорошо, что мы, читая его, забыли тяжесть 10-верстного пути на конях, часто под проливным дождём, при клади в 15 пудов! А клоп и блохи на ночёвках “во-о-о этакой долины, во-о-о этакой ширины!” Страсть.

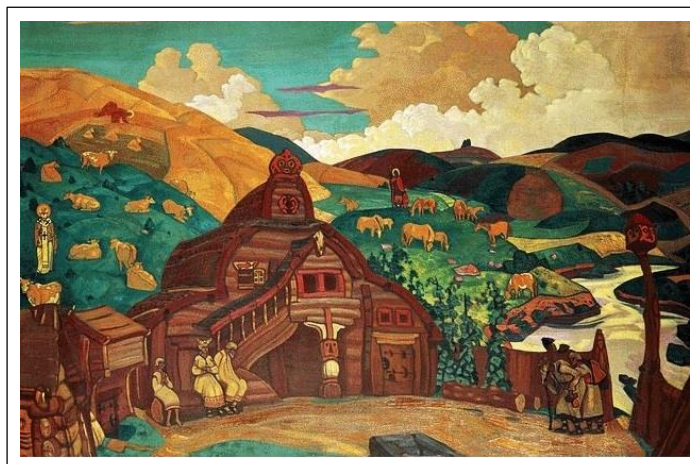
Но доехали и встретили необычайное радушие. Земцы большой и высокой культуры. Намечен ряд популярных лекций – концертов по школам уезда. <Земцов> даст способы передвижения, угол и щи.

Боже мой, какие здесь дивные места!

Если будем в Галиче, то вспомним слово Ваше о нём. К «Трёх радостям» своим прибавляя ещё нашу, четвёртую. Кланяемся Вам и дорожному гнезду. Милой Елене Ивановне почтительно целую ручку. Над. Николаевна тронута вниманием и памятью.

Ваш С. Колосов

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/846, 1 л.

Н.К. Рерих. Три радости. 1916.

Листок из семейного архива Н.К. Рериха:

* * *

Если замолкнет слово,
если затемнеют буквы,
то украшения книжные,
всё-таки расскажут
об искусстве народа, о жизни.
Пришёл самобытный, понёс книги
и листы по домам и по селам.
Не ожидая зова, понёс сам. Узрите,
узнайте, учитесь.
Услышат зов тёмные. Приползут.
И просветлеют дали.
И просветлятся всеми
тремя великими радостями.
Позвавшему хвала.
Принесшему честь.

Н. Рерих

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/39, л. 43.

20 августа 1916 г. Петроград

Памяти С.П. Крачковского

Бывают моменты, когда смерть малозаметного, казалось на первый взгляд, в жизни человека приобретают особую значительность.

Скончавшийся на Карпатах М.П. Крачковский как раз был не только тем «углублённым, кристально-простым и чистым человеком», как его прекрасно охарактеризовал Рерих, не только собственником тонко подобранного собрания образцов русской живописи, но и чрезвычайно яркой и колоритной личностью на фоне двух встречных поколений. Как чеховский Вершинин, С.П. глубоко и искренне верил, что своей жизнью творит новую счастливую жизнь. В этом была цель его бытия и, если хотите, его счастье.

Не будучи художником, он понимал и художников, и искусство. Не будучи поэтом, он умел своей любовью заставить других полюбить прекрасное. Не будучи общественным деятелем, он, собирая произведения исключительно русских художников и пожертвовав свою коллекцию музею Общества поощрения художеств, совершил крупное общественное дело. Его чистая, бескорыстная и беспредельная любовь к искусству во всех его проявлениях была поистине «сокровищем смиренных». Для П.С. не существовало признанных и начинающих; он благоговел перед талантом и в каждом художнике, будь то законченный мастер или ученик, видел отмеченного Творцом. Трогательно нежный в отношении к окружающему, как-то чисто поженственному, С.П. любил природу, что сближало его с Левитаном, любимейшим из его любимцев. Человек больших внутренних запросов, С.П. обречённый долго на службу армейского офицера в провинции, крайне ограниченный в средствах. одинокий, «чужак» среди окружающих, неуклонно шёл к раз намеченной цели, которую видел в приближении к искусству. Долгий и упорный путь: сначала книги, потом переписка, первые попытки собирательства, а затем с выходом в отставку и переездом в Петроград – музеи, выставки, личное знакомство со многими художниками. Как сей-

час, я живо представляю себе крохотные комнаты это «часовни искусства», где постоянно накапливались работы: Нестерова, Серова, Репина, Сурикова, Врубеля, Рериха, Судейкина, Сомова, Бенуа, Левитана, Грабаря, Рябушкина и др. Собирая не из снобизма, как большинство, и не ради торгашества, С.П. любил показывать своё собрание, сам соприкасаясь в такие моменты с душой художника.

Ах, эти долгие вечера душевной беседы об искусстве и всё восторг, всё преклонение! Даже в своих письмах с войны, проникнутых всегда присущей ему теплотой и нежностью, С.П. значительное место отводил «нашему», как обычно он называл, «дорогому искусству». И в этом эпитете «наше искусство» - тоже немаловажная черточка для покойного. Вот одно из таких писем:

«На днях ездил за 14-ть вёрст осматривать замок Сангушко. Постройка XV века, очень интересная архитектура, много картин, вещей того времени. Достоинно внимания. Читал о Вашей деятельности в «Лазарете деятелей искусства». Как нам, военным, приятно знать, что все вы так близко принимаете наше горе, наш долг умереть за право, за цивилизацию, основанную не на сорокадвухсантиметровых пушках, а на желании жить мирно, культурно, без насилий... Не бросайте книг и заметок об искусстве до моего приезда. Собирайте также редкие гравюры, литографии на тему войны. Я решил сейчас после окончания войны ехать на четыре месяца в Испанию, Англию, Африку. Как хотелось бы поехать вместе с вами за границу и предаться любимому искусству» ...

И так в каждом письме среди строк о войне мелькнёт то радостное сообщение о том, что «вспомнил обо мне Репин», то просьба написать о художественных новостях. Горные вершины Карпат, «на которые кажется, никто не взбирался», были последним этапом этой внезапно прерванной красивой жизни. Мир праху твоему, большое горячее сердце! «Боже, Боже, какие мы нищие перед тем, кто любит просто!»

М. Бабенчиков

Лукоморье. 1916. 20 августа. № 34. С. 15.

25 августа 1916 г. Киев

Письмо Франца Шебека к Рериху Н.К.

Киев. 1916. VIII. 25.

Высокочтимый Николай Константинович!

Надеясь на Вашу любезность, осмеливаюсь побеспокоить вас покорной просьбой, не отказать удостоить меня собственноручной подписью, которую я бы очень просил поместить на лицевой стороне прилагаемой Вашей фотографии.

Несказанно буду обрадован и благодарен.

С глубоким почтением

Франц Шебек

Киев. Золотоворотская, 4. Кв. 3. Ф. Шебеку

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1494, 1л.

26 августа 1916.

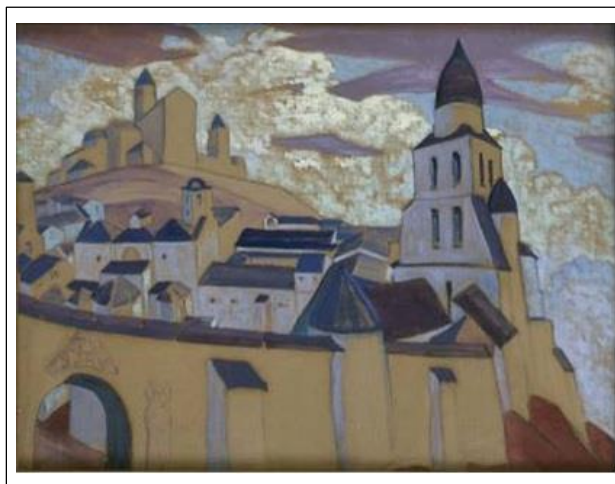
Художественные вести

Занятия в рисовальной школе Общества поощрения художеств начнутся в текущем сезоне 18-го сентября. Запись поступающих назначена на 16-е и 17-е сентября. На днях приедет в Петроград директор школы Н.К. Рерих. В течение лета, проведённого в Новгородской губ., он написал ряд художественных про-

изведений, которые появятся в текущем сезоне на выставках картин. Новые произведения Н.К. Рериха носят названия: «Ковёр-самолёт», «Город», «Три радости», «Отдых охотника» и др.

Речь. 1916. 26 авг./ 8 сент. № 234. С. 4.

Искусство и жизнь. 1916. № 6. С. 18.

Н.К. Рерих. Город. 1916.

Н.К. Рерих. Ковёр-самолёт.. 1916.

26 августа 1916 г

Письмо В.А. Никольского к Рериху Н.К.

26.VIII 1916.

Дорогой Николай Константинович,

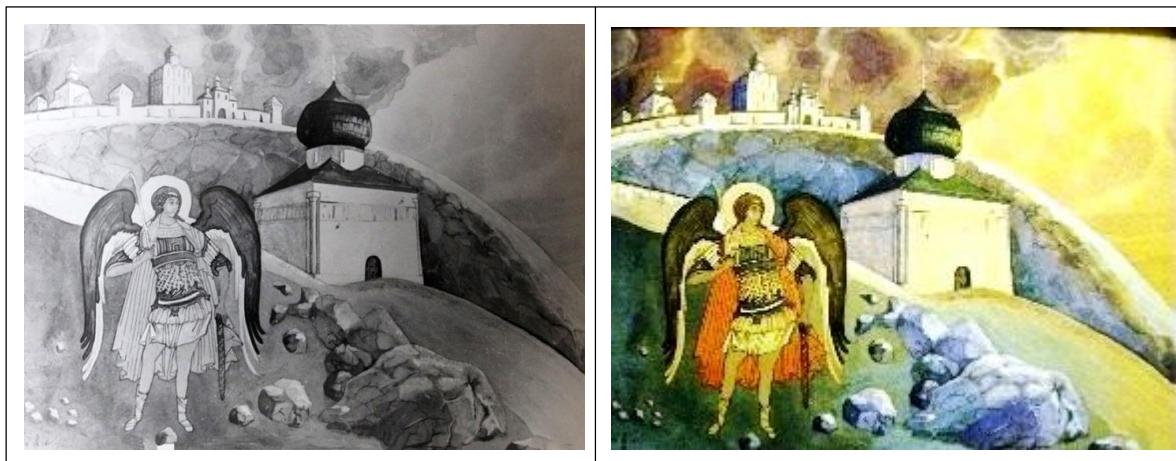
Я переговорил с редактором относительно статьи по поводу Вашей книги и думаю, что статью напечатают, несмотря на страшную тесноту в газете от обилия военной информации и сокращения числа страниц. Со своей стороны – приложу все усилия, чтобы статья появилась. Из Ваших портретов для Сойкинского сборника - думаю взять тот, у которого на фоне череп на колонне. Он, мне кажется, - самый удачный.

Юбилейная комиссия (членом которой являюсь, кстати, и я) будет очень принципиальна, если Вы, кроме письменного автографа, дадите и какой-нибудь рисунок-автограф (хотя-бы и в красках, безразлично). Мы получили уже несколько таких рисунков – автографов, и в их числе от Пастернака, Касаткина и др.

Страшно интересно будет увидеть на выставке Ваши новые работы, о которых Вы напишите. Я – в немногие свободные часы – работаю над книгой о Сурикове.

Ваш В. Никольский.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1073, 1л.

Н.К. Рерих. Белый город. 1916.

УВОДЯЩИЙ

Приходящий в ночной тишине,
говорят, что Ты невидим,
но это неправда.
Я знаю сотни людей,
и каждый видел Тебя,
хотя бы один раз.
Несколько бедных и глупых
не успели Твой лик разглядеть,
изменчивый многообразно.
Ты не хочешь мешать нашей
жизни. Ты не хочешь нас испугать
и проходишь в тишине и молчаньи.
Глаза Твои могут сверкать,
Голос Твой может греметь.
И рука может быть тяжела
даже для чёрного камня.
Но Ты не сверкаешь,
Ты не гремишь,
и не дашь сокрушенья. Знаешь,
что разрушенье ничтожней покоя.
Ты знаешь, что тишина

громче грома. Ты знаешь,
в тишине приходящий и
уводящий.

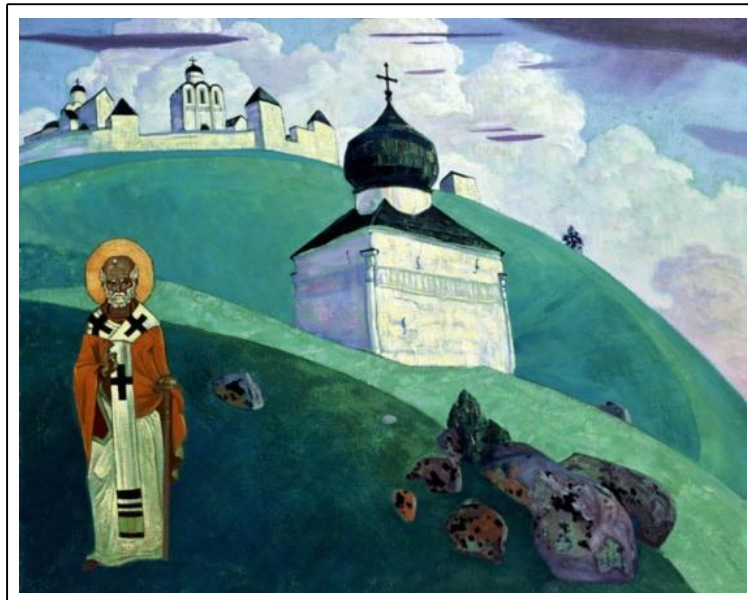
1916

УТРОМ

Не знаю и не могу.
Когда я хочу, думаю, —
кто-то хочет сильнее?
Когда я узнаю, —
не знает ли кто ещё твёрже?
Когда я могу — не может ли
кто и лучше, и глубже?
И вот я не знаю и не могу.
Ты, в тишине приходящий,
безмолвно скажи, что я в жизни
хотел и что достигнуто мною?
Возложи на меня свою руку, —
буду я снова и мочь, и желать,
и желанное ночью вспомнится
утром.

1916

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. Цветы Морци. Берлин. 1921.

Н.К. Рерих. Св. Николай. 1916.